

ПОЛИНА ВЕРХОВЦЕВА

НЕВЕСТА
ИЗ ЧЕРНОДЫРЬЯ

Полина Верховцева
Невеста из Чернодырья

«Автор»

2025

Верховцева П.

Невеста из Чернодырья / П. Верховцева — «Автор», 2025

Подавился как-то женишок бобовым зернышком. И побежала курочка... то есть дурочка в Черный Лес за живой водицей, чтобы суженого своего спасти. А в лесу том, кого только нет. И дух зловредный, и ведьма страшная, и леший с людоедами. И никто просто так помогать не хочет. Всем чего-то надо взамен. Так и пришлось невесте бегать от одного к другому и попрошайничать, а заодно поручения странные выполнять. А тут еще парень чудной под ногами путается. То ли мешает, то ли наоборот помочь пытается, так сразу и не разберешь. Такая вот сказочка...

© Верховцева П., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Полина Верховцева

Невеста из Чернодырья

Подавился как-то женишок бобовым зернышком. И побежала курочка...то есть дурочка в Черный Лес за живой водицей, чтобы суженого своего спасти.

А в лесу том, кого только нет. И дух зловредный, и ведьма страшная, и леший с людоедами. И никто просто так помогать не хочет. Всем чего-то надо взамен.

Так и пришлось невесте бегать от одного к другому и попрошайничать, а заодно поручения странные выполнять. А тут еще парень чудной под ногами путается. То ли мешает, то ли наоборот помочь пытается, так сразу и не разберешь.

Такая вот сказочка...

Глава 1

Вокруг небольшого Синеречья возвышался Черный лес. Тропы там были узки и запутанны, а деревья крепки и заносчивы и не чурались тянуться ветвями в самое небо. И называли это место Чернодырьем, потому что пропадало там все, как в черной дыре. Переступишь границу леса — и обратной дороги уже не сыщешь. Только любовь может помочь выбраться из чащобы. Да только где же ее найти, любовь эту?

Марк очень уважал стряпню нашей кухарки и, когда юркие служанки накрывали на стол, нетерпеливо поблескивал голубыми глазами.

Глаза у него красивые. Нет, не так. В нем все красивое. Статная фигура, идеальный рост, разворот плеч и русые волосы, мягкой волной падающие на гладкий лоб. Улыбка у него красивая, и голос тоже. Он весь словно сошел с картинки, и у меня до сих пор заходило сердце от одной мысли, что он — мой жених.

Поверить не могла. Столько лет влюблена в него была без памяти, столько ночей одиноких провела, поливая подушку слезами неразделенной любви. Умирала, если видела его в городе с кем-то из девушек. Страдала. И когда месяц назад он пришел к моему отцу просить моей руки, даже не поверила сначала. Думала, ну все... совсем кукушечка улетела от отчаяния.

Оказалось, кукушечка на месте — цела и невредима, — а Марк давно и безнадежно в меня влюблен, но никак не мог собраться с духом, чтобы нормально посвататься.

Это было настолько невероятно, что я перво-наперво рухнула в обморок. Особенность у меня такая: чуть что — валюсь на пол без чувств. В детстве даже думали, что это падучая, а оказалось — просто реакция такая дурная на сильное волнение, будь оно хорошее или не очень.

Придя в себя, я тут же поспешила к отцу, испугавшись, что он откажет Марку, и прямо с порога проорала:

— Я согласна.

И плевать, что денег у него отродясь не бывало, но при этом щеголем он слыл знатным да в карточном доме не единожды был замечен. Плевать, что другие девицы от него взгляда не отрывали, а он вальяжно подмигивал и улыбался — я была готова сразиться с каждой из них за свое счастье.

Отец моего воодушевление не разделял. Ему казалось, что Марк слишком поверхностный и ветреный, но слезы дочери возымели действие, и он разрешил. Только условие поставил: помолвка не раньше, чем через месяц — чтобы присмотрелись друг к другу и убедились в искренности чувств.

О, что это был за месяц... Прогулки под луной, горящие щеки, гремящее сердце и поцелуи, сорванные украдкой. Я сходила с ума и была опьянена счастьем. Настолько, что на помолвке снова хлопнулась в обморок.

В праве моего жениха Марк стал частым гостем в нашем доме. Каждый вечер мы то гуляли в саду, то сидели с книгами в библиотеке или ужинали на террасе, выходящей окнами на Черный лес. Марк читал мне стихи, пел серенады и томно улыбался, сжимая мою потную от волнения и восторга ладошку.

И не было меня счастливее...

До того самого момента, как Марк, сидя на другом конце стола и усиленно орудуя ложкой, вдруг замер, приложив руку к груди. Потом закашлялся.

— Давай постучу, — игриво предложила я, еще не осознав серьезность момента.

А он кашлял все сильнее и сильнее. Натужно покраснел, потом посинел, потом начал хватать воздух ртом.

— Марк?

С надрывным хрипом он завалился на бок. Пока падал, схватился за скатерть и утянул ее за собой вместе со всеми приборами и едой. В тот же миг комната наполнилась грохотом и звоном, а я, не помня себя от страха, бросилась к жениху:

– Марк! Марк!

Стучала ему по спине, но этого явно было мало. Он стал совсем синим и не мог нормально вдохнуть.

– Марк! – завизжала я, а потом бросилась к дверям и, распахнув их, завопила во весь голос. – Скорее лекаря! Пожалуйста!

На мои вопли сбежался народ. Я и опомниться не успела, как чьи-то руки подхватили меня и оттащили в сторону.

– Сима! Симелла! Что стряслось?!

Я даже не поняла, кто ко мне обращался, только пролепетала непослушными губами:

– Он просто ел и подавился... Сильно подавился...

– Это ж как жрать-то надо было, – сокрушенно покачал головой папенька, тоже явившийся на шум.

У меня даже не было сил возмутиться и сказать что-то в оправдание Марка. Утопая в пелене слез, я смотрела, как над моим любимым склонился целитель и остальные.

Пожалуйста! Спасите его! Я не вынесу, если с ним что-то случится. Я его люблю!

Ну и, конечно, снова в обморок. Куда ж без этого.

Пришла я в себя ближе к полуночи. Подскочила на кровати и, увидев няньку, дремавшую в изножье кровати, тут же накинулась с расспросами:

– Как Марк? Все в порядке? – Она отвела глаза и вздохнула. Тогда я подскочила к ней и начала трясти за плечи: – Ну не молчи же ты! Говори! С ним все в порядке?!

– Жив он, – скупно ответила она.

– Жив и...

– Насчет здоров врать не буду. Отнесли его в гостевую комнату. Вроде дышит, но в себя не приходит. Целитель там колдует над ним, только все без толку.

В груди похолодело. Я скатилась с кровати, торопливо накинула халат поверх ночной сорочки, в которую меня кто-то заботливо переделал, пока в беспамятстве болталась, и выскочила из комнаты. В голове в такт торопливым словам стучало: «Марк. Марк. Марк. Марк!» Как же так! Почему в себя не приходит? Подумаешь, подавился! Это же мелочи!

В гостевую я ворвалась, как ураган, намереваясь всеми силами поставить любимого на ноги. Однако там меня ждал сюрприз в виде дочери целителя Лейлы. Она сидела рядом с диваном, на котором лежал мой несчастный бледный жених, и меняла ему холодную повязку на лбу.

– Ты что тут делаешь? – возмутилась я. – Где целитель?!

– Я тоже целитель, – напомнила она.

Я кое-как придавила ревность. Наш лекарь всегда был нарасхват. Он всем помогал, всех лечил и не мог сидеть возле одного больного ночи напролет. А дочь по его стопам пошла. Конечно, опыта ей не хватало, зато у нее дар, который помогает облегчать муки.

– Почему он в себя не приходит? – потребовала я, подходя ближе и усаживаясь рядом с Марком. Сплела его пальцы со своими и чуть не вскрикнула. Горячий, как печка! – У него жар!

– Не кричи, – устало произнесла Лейла, убирая в сторону тазик с водой.

– Разве может быть жар от того, что просто подавился?!

– Тебе не сказали, но... он не просто подавился. Вот смотри.

Она взяла со столика карандаш и им аккуратно оттянула Марку нижнюю губу. В тот же миг из приоткрытого рта появилось что-то черное. Как будто росток какой-то. Оно обвилось вокруг карандаша и сжалось, будто пытаясь его задушить. Я испуганно отпрянула:

– Что это?!

– Да тихо ты! – цыкнула Лейла и с опаской оглянулась на дверь. – Тихо!

Отросток тем временем понял, что карандаш душить бесполезно, и втянулся обратно.

– Что это? – в ужасе прошептала я.

– Он проглотил хищный боб из Черного леса.

Я охнула и зажала рот руками.

– Времени у него мало. Боб пока просто сидит, осваивается, а потом прорасти начнет.

И корни его вместо земли будут в плоть вгрызаться.

Меня повело. Опасаясь, что сейчас снова отключусь, я похлопала себя по щекам:

– Так... Так! Надо его вынуть. Немедленно!

С этими словами я бросилась к Марку, намереваясь голыми руками вырвать из него эту заразу, но Лейла перехватила меня.

– Глупая, что ли?! Отравиться хочешь? И себя, и его погубить? Если боб этот силой вытаскивать – он лопнет и испустит смертельный яд. Нельзя так.

– И как же быть?

От отчаяния я почти задыхалась, а Лейла понизила голос до зловещего шепота:

– Есть одно средство...

– Какое?! Ну? Говори же! Не томи.

– Скверна из Черного леса боится только воды из Синей реки.

– Так я сейчас сбегая! Принесу, – вскочила я на ноги.

Но Лейла снова остановила меня.

– Та, что до равнины докатывается, уже не подходит. Надо из самого истока брать. Не далее чем в семи шагах от того места, где она из земли пробивается.

– Я схожу к истоку! Где он?

– Сама как думаешь? – хмыкнула целительница и сама же на свой вопрос ответила: – В Черном лесу. Во-он там, у подножия Медвежьей горы.

С этими словами она кивнула за окно, указывая туда, где днем над древними вершинами леса виднелась гора, похожая на медвежью холку, а сейчас стояла непроглядная тьма.

– Я прочитала об этом в одной из книг и тут же рассказала отцу, но он меня не отпустил. Сказал – это слишком опасно. Тогда я побежала к твоему папеньке, но он лишь отмахнулся, мол, шкурка выделки не стоит. Так что...

– Я схожу.

– Сдурела? Это же Чернодырье. Переступишь его границу – и все, поминай как звали.

– Я схожу, – упрямо повторила я, – найду исток реки и принесу воды. Ты только скажи мне, сколько надо и где точно брать.

Лейла задумалась, потом будто нехотя ответила:

– Говорят, река берет свой начало в пещере на северном отроге. Я точно не знаю – сама понимаешь, мне в Чернодырье бывать не доводилось, а книги и врать могут. В любом случае идти надо вверх по течению. Пещера или нет – неважно. Найдешь то место, где она на поверхность пробивается, отсчитаешь семь шагов – там и набирай. Вот фляга.

Она бессовестно вытащила у Марка из кармана небольшую флягу, выплеснула ее содержимое в тазик, стряхнула хорошенько, а потом протянула мне.

– Только на твоём месте я бы не ходила туда – можешь и не вернуться.

– Вернусь, – упрямо возразила я, пряча флягу в кармане, – а ты не говори никому, куда я отправилась, а то отец погоню отправит.

– И что мне сказать?

– Придумай что-нибудь, соври, но меня не выдавай. Я все равно по-своему сделаю.

– Это опасно.

– Плевать.

Что мне какие-то неведомые опасности, когда речь о жизни любимого? Я схожу в этот чертов лес и принесу этой чертовой воды. И ничто меня не остановит!

Напоследок осторожно сжав его безвольные пальцы, я решительно вышла из комнаты.

Старая нянька тихо похрапывала, уронив голову на грудь, и не слышала, как я на цыпочках прокралась к шкафу. На улице стояла зима, поэтому одеваться пришлось теплее: в шерстяное платье, портки с начесом, куртку, меховые ботинки, шапку, варежки. Одевшись, я взяла небольшую сумку и повесила ее через плечо. В нее положила нож, заговоренное огниво, флягу для волшебной воды. Потом спустилась в кухню и стащила немного походной еды: ломтиков вяленой оленины да выручай-печенья – места оно занимало мало, а голод утоляло лучше самых наваристых щей. После этого я выскользнула на крыльцо. Потопталась немного на верхней ступени, пытаясь набраться храбрости, и, пожелав себе удачи, отправилась в путь.

Меня ждало коварное Чернодырье

Глава 2

Идти ночью в лес было затеей отважной, но глупой. Это я поняла, едва перебравшись через небольшой овраг, тянувшийся по кромке Чернодырья. Как-то разом затихли прежние звуки, и на смену им пришли другие: невнятные шорохи, скрип снега, легкий перезвон сосулук на еловых лапах. Казалось, Черный лес дышит... и смотрит. На меня. Наблюдает, как неуклюже пробираюсь по сугробам, пытаюсь держаться недалеко от реки, оценивает мою силу и решимость и прикидывает, как будет проще от меня избавиться.

Надо мной, тускло высвечивая небольшой пятячок, неспешно плыло заговоренное огниво. А еще выше чернело равнодушное зимнее небо, усыпанное звездами, которые казались ближе и ярче, чем в Синеречье.

Когда я запрокинула голову, чтобы полюбоваться на них, то увидела, как промелькнул, перескакивая с дерева на дерево, темный невнятный силуэт.

– Белка, – сказала я, – однозначно белка.

И плевать, что размерами в несколько раз больше. Белка. Ну или бурундучок. Да-да.

На всякий случай оглянулась, но ничего не увидела. Деревья как будто сдвигались плотнее друг к другу, перекрывая обзор. И хотя я не так далеко прошла вглубь леса, выхода из него уже не было видно.

Ладно. С этим разберусь чуть позже. Главное – набрать волшебной воды, а обратно уж как-нибудь вернусь. По звездам, например.

Звездочет из меня аховый, но на всякий случая я посмотрела вокруг еще раз, пытаюсь найти и запомнить какие-нибудь ориентиры. Ну, допустим, вот та загогуля из звезд в форме вопросительного знака сойдет, и вон то скопление ярких точек тоже ничего.

Убедив себя, что все под контролем, что путь назад непременно отыщется, а с дерева на дерево параллельно со мной и правда перескакивала добрая безобидная белочка, я поплелась дальше.

Продвигалась медленно. Коварный снег всеми силами старался меня задержать: то прикрывал яму, из которой потом приходилось выбираться по-пластунски, то большими комками падал прямо на голову, норовя проскочить за шиворот. И так без конца. Я настолько устала, что утром, когда солнце уже взошло над Чернодырьем, упала плашмя в сугроб, руки-ноги раскинула и прохрипела:

– Все! Дальше не пойду.

Но, конечно же, пошла. Потому что усталость – это такая ерунда по сравнению с тем, что сейчас чувствовал бедный Марк. У меня не было времени ни на отдых, ни на жалость к себе, я должна была найти исток Синеи реки, набрать воды и вернуться до того, как хищный боб начнет пускать корни.

Мысли о любимом придали сил и решимости. Я с кряхтением выбралась из снега, отряхнулась и поползла дальше. В какой-то момент плащ зацепился за сук, но сколько бы я ни дергала, освободиться не получалось.

– А ну-ка пусти! – прошипела я и как рванула!

Сучок отломился, а я, не успев притормозить, отлетела назад, поскользнулась, неуклюже взмахнула руками, скатилась вниз с пригорка...

...и оказалась на тропинке.

Оказывается, все это время я ползла, по колено проваливаясь в снег, а совсем рядом была тропа. Не слишком широкая, но утоптанная, и можно было спокойно идти по ней, а не кувыряться по сугробам.

– М-да... – крякнула я, поднимаясь.

Стряхнула снег, поправила шапку и, сделав вид, что так и задумано, пошла дальше.

По тропинке продвигаться стало гораздо проще и быстрее. Я подобрала узловатый сук и, используя его как посох, уверенно шагала вперед.

Однако к вечеру силы покинули меня. Глаза слипались, отчаянно хотелось спать. Пришлось останавливаться на ночлег.

Вспомнив рассказы отца, заядлого любителя охоты, я нашла укромное место среди поваленных деревьев. Вытоптала пяточок, достаточный, чтобы удобно расположиться, наломала еловых лап для подобие шалаша и подстилки. Забравшись в укрытие, немного пригасила огниво, выложила охотничий нож так, чтобы можно было быстро схватить в случае чего, и, замотавшись в плащ, закрыла глаза.

Я так устала, что моментально заснула и проспала до самого утра, а с рассветом снова отправилась в путь.

Вьющаяся справа от меня река становилась все уже и уже. На подходе к Медвежьей горе и вовсе стала ручьем, бодро прокладываящим путь среди камней и талого снега. Исток был уже близко. И когда я, обогнув небольшой лесоповал, вышла к отрогу и увидела пещеру, наполовину скрытую черным валуном, сердечко мое радостно подскочило. Добралась! Смогла!

– Марк, держись! Я иду! – с этими словами я достала из сумочки флягу и ринулась вперед.

И лишь услышав глухое рычание, поняла, что ни черта это был не валун на входе.

Черная махина зашевелилась, распрямилась, и я увидела перед собой гигантского медведя. Он потянулся, зевнул, широко распахнув алую пасть, и недобро уставился на меня.

Вот и набрала водички...

В голове только одна тоскливая мысль – я не успела попрощаться ни с отцом, ни с друзьями, ни с милым Марком.

Прости, любимый, мне не суждено тебя спасти, но я буду ждать тебя на той стороне...

Грозно зарычав, медведь двинулся в мою сторону, а я, вместо того чтобы бежать сломя голову, сделала неуверенный шаг назад и, обмякнув, ничком повалилась на снег.

Привычный сумрак набросился со всех сторон, укрывая от страшной действительности. По крайней мере, я буду без чувств, когда медведь начнет по мне топтаться и глодать мое тело.

Однако спустя некоторое время я пришла в себя.

Вроде живая. Руки-ноги на месте, ничего не болит. А сверху солнце зимнее едва припекает... Приснился мне, что ли, медведь-то?

Кряхтя и пыхтя, я села. Еще раз взглядом прошлась по конечностям убедиться, что они на месте и не отъедены коварным зверем. А потом обернулась...

Медведь сидел на том же месте и, по-собачьи склонив голову набок, наблюдал за мной. Стоило только шевельнуться – и у него внутри утробно заклокотало.

Я все поняла. Жрать меня бесчувственную ему неинтересно. Надо, чтобы орала, отбивалась и пыталась отобрать кишочки, которые он будет из меня вытягивать.

Представила эту картину и снова свалилась в обморок.

Потом опять пришла в себя. Голову аккуратно повернула – медведь на месте. Даже ближе, чем в прошлый раз.

Точно ждет удобного момента, чтобы начать меня жевать.

Жуть!

Опять обморок.

А когда в третий раз открыла глаза, то увидела прямо перед собой здоровенную лохматую морду. Глаза в глаза. Он смотрел, я смотрела. Он моргал, я моргала. Он щелкнул зубами – я вжалась в снег, уверенная, что сейчас мне откусят нос.

Кто-нибудь! Спасите!

Пусть появится какой-нибудь охотник! Пожалуйста! Должны же тут быть охотники?! А белочка! Была же белочка! Пусть хоть орехом в него кинет, отвлечет мохнатого, а я пока потихонечку уползу.

Однако охотников не было, а белочку мои проблемы волновали мало, и тратить на мое спасение драгоценные орешки она не собиралась.

Значит, снова обморок...

И только меня повело, только начало утаскивать в пелену беспамятства, как медведь фыркнул мне в лицо и человеческим голосом сказал:

– Отвалишься – укушу.

Видать, совсем плохи мои дела, раз говорящие медведи уже мерещатся.

А чудовище тем временем отстранилось, село и, не сводя с меня темных бусинок-глаз, приказало:

– Поднимайся.

– Да я... это... пожалуй... полежу, – промямлила я, переводя взгляд на светлое зимнее небо.

Полежу, отдохну – глядишь, и полегчает маленько.

– Считаю до трех. Один.

Я нервно сглотнула.

– Два, – со скучающим видом продолжил он.

Мне ведь кажется все это? Медведи ведь не умеют считать?

– Три...

– Все встаю! Встаю! – рявкнула я и села. – Встаю...

Кое-как поднявшись, я стряхнула снег с воротника, поправила шапку и угрюмо посмотрела на медведя.

Хотел бы съесть, уже бы съел. Верно? Верно. Но не точно. Однако бояться я стала чуточку меньше:

– Ты кто?

– Дух леса, а ты?

– А я вот, – показала ему флягу, – за водой пришла.

– Разве с стороны границы воды нет? – хмыкнул он.

Было странно разговаривать с медведем. Очень странно. И тем не менее разговор продолжался.

– Есть, но мне нужна та, что в пещере. В семи шагах от истока.

Медвежьи брови удивленно дернулись. Интересно, все медведи умеют бровями шевелить? Или только мне такой одаренный достался?

– Прохода нет.

– Мне очень надо, – взмолилась я, – очень-очень.

– Нет.

– Ну пожалуйста!

– Нет. Пока я в пещере, туда никто не войдет. Разорву, – монотонно сказал он и снова зевнул, обнажая длинные клыки.

– А ты прогуляйся, Миш? Пройдись кружочком, а я только заскочу, водицы фляжечку наберу и исчезну. Больше не увидишь меня.

– Я бы прогулялся. С удовольствием. Но... – он потряс задней лапой и раздался металлический звон.

Только сейчас я заметила обруч и тяжелую железную цепь, уходящую вглубь пещеры.

– Ты прикован!

– Угу.

– Кто ж тебя так?

Он заворчал по-звериному, а потом угрюмо произнес:

– Ведьма лесная. У нее только ключ от этих оков есть. Достань его для меня – и получишь воду. А ежели нет, то путь в пещеру для тебя навсегда закрыт будет.

Вот только лесной ведьмы мне и не хватало...

Но жизнь Марка висела на волоске и зависела только от меня.

Делать нечего, пришлось соглашаться.

– Хорошо, – с тяжелым вздохом сказала я, – где эта твоя ведьма?

– Вон туда иди, – кивнул Медведь в сторону едва заметной тропочки, плетущейся вдоль склона, – обойдешь восточный отрог и попадешь к озеру. Там на берегу ее домушка и стоит.

– Так, давай еще раз... Мне просто надо взять у нее ключ, принести его тебе, и ты дашь мне набрать воды.

– Да-да, – закивал медведь, – просто ключ.

Наверняка есть подвох. Я подозрительно уставилась на медведя, а он преданно уставился на меня. Играли в гляделки минут пять, потом я сдалась и проворчала:

– Ладно. Будет тебе ключ.

Шапку поправила, штанишки подтянула и пошла. А косилапый еще долго смотрел мне вслед.

– Чтоб тебя, – проворчала я, в очередной раз споткнувшись на пустом месте, – сглазил, хмырь глазастый.

– Я все слышу! – донеслось издали.

– Еще и ушастый, – чуть тише добавила я.

– Все равно слышу.

Вот ведь! Так ни разу на него и не оглянувшись, я сосредоточенно чапала вперед, повторяя про себя, как молитву: «Найти ведьму, забрать ключ, отдать медведю, набрать воды, спаси Марка».

Идеально гладкий и четкий план! Раз-раз – и готово.

В том, что с ведьмой мне удастся найти общий язык, я почему-то не сомневалась. Ну что ей, жалко, что ли, ключа ради спасения любви? Уверена, как женщина она меня поймет и пойдет навстречу.

В общем, шла я, шла... Притомилась изрядно, проголодалась. Поэтому нашла укромное местечко на поваленной березе, достала пару походных печенек, с помощью огнива в маленькой жестяной кружке растопила немного снега и кое-как пообедала.

А дома суп такой наваристый! С картошечкой да с мясом томленным! А еще хлеб. Ноздрястый, пышный, настолько вкусный, что сейчас бы целую буханку умяла. А какие пирожки с яблочным повидлом-ммм... Поджаристые, зарумяненные. Наша кухарка за десять минут до готовности смазывает их сладкой сметанкой, чтобы корочка вкуснее была. А компот! Да ни у кого в Семиречье сроду не было такого компота, как у нас! А еще ягоды сушеные, сушки с баранками да сахарные леденцы на палочке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.